

Александр Сидоров

Папина дочка

Александр Владимирович Сидоров

Папина дочка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29830118

SelfPub; 2018

Аннотация

Семейная драма обрушивает и без того хрупкий мир юной героини, которой предстоит пройти через тяжелейшие испытания и дно жизни. Найдёт ли она в себе силы, чтобы, повзрослев, сохранить в борьбе с собственными демонами саму себя, или окончательно потеряет душу, честь и любимых людей? Сможет ли стремление к добру восторжествовать над перипетиями судьбы? Выжжет ли огонь переживаний её сердце дотла или она сможет в последний момент ухватиться за спасительную соломинку любви? Содержит нецензурную брань.

Капли грузно падали на подоконник, увязая в грязном, напитавшемся талой водой снеге. Чёрные остовы деревьев за окном облепили вороны. Пронзительными криками гнали они зиму прочь, но та едва ли намеревалась отступить. В предсмертной агонии тлея она копотью на сыром асфальте, мокрой безжизненностью на холодной истощённой земле и свалывшимися комьями по закоулкам. Обшарпанный унылый город погряз в смоге и тумане, и лишь редкие одинокие путники бессмысленно торопили по улицам, ёжась от осточертевшей мороси. Да ещё суетливые машины где-то вдалеке огрызались раздражёнными сигналами...

«Какая дыра! – в пасмурности с низким титаново-серым небом могло посоревноваться разве что моё настроение. – Чьей злою волей занесло меня в это проклятое место? Или более, быть может, нет нигде отрады в потерянном бесцветном мире?»

Поразмыслив, я записала последнюю строчку. Она мне понравилась. Я погрызла кончик карандаша, силясь улучшить подходящую рифму, уловить ритм вибраций души. Потом, перебирая слова, опять отчаянно уставилась в окно. Когда, наконец, фразы вальсом понеслись в голове, меня неожиданно окликнул исполненный язвительной желчи голос учительницы.

Я даже толком не расслышала, что она сказала. Да и стоило ли? Наверняка очередную банальную грубость, поскольку по классу прокатилась волна безрадостного злобного смеха.

Ей было невдомёк, что приземистые шаблонные замечания, коими она имела обыкновение привлекать к себе внимание, настолько набили оскомину, что следовало бы задуматься о выборе профессии. Преподавание, а тем более литературы, вряд ли могло оказаться по силам столь ordinarily мыслящей личности, если по отношению к ней вообще допустимо было употреблять благородное слово «личность».

– Я, кажется, к тебе обращаюсь!

– Кажется – креститься надо, – пробурчала я под нос в тон ненавистнице приевшимся штампом. Кто-то, не сдержавшись, сдавлено прыснул. К сожалению, большинство сверстников, если не все, были в той же мере непреодолимо глупы и бесполезны. И я, увы, во многом не отличалась от них...

– Ты что-то сказала, милочка? – убила бы её за эту «милочку»!

Тем не менее, требовалось встать. Я бросила печальный взгляд в окно. Безумный танец поэзии остался далеко позади, в неукротимом беге умчался за туманный край горизонта. В голове стало пусто и гулко. Я потупила взор, беззастенчиво рассматривая собственные пальцы.

– Напомни-ка, что я только что сказала.

Я в надежде осмотрелась по сторонам, но никто и не подумал прийти на выручку. Шакалы почуяли потеху и теперь в ожидании замерли. Мыслимо ли было ожидать иного?

– Возможно, ты всё знаешь и тебе неинтересно?

«Удивительная прозорливость!»

– Почему молчишь, Корош? Неужто язык отнялся?

– Нет.

– В таком случае я тебя внимательно слушаю!

Я немотствовала, изучая надписи на парте, узор на линолеуме, даже в коей-то веки ненароком заглянула в учебник. А что мне, собственно, оставалось делать? Воцарилось гробовое молчание – так, кажется, принято говорить в подобных случаях. Что же, явись оно и впрямь гробовым, я не склонна была бы возражать, да вот только эти назойливые взгляды и смешки...

«Придурки!»

Тишина невыносимо и опасно затягивалась. Обычно такие ситуации, уж коли имели место, влекли за собой куда более динамичную развязку: положительную или отрицательную – в зависимости от настроения педагога. Сегодня же, надо полагать, расположение духа у неё было просто отвратительным... как, впрочем, и у меня.

Я нервно помялась с ноги на ногу и подняла глаза, вспыхнувшие дерзким огнём:

– Можно выйти?

Класс обрушился смехом, стоило ли сомневаться? Я знала, что это прозвучит глупо, но слишком низко было и дальше краснеть под выжидающими, алчущими зрелища взорами юного шакаля. Мне стало противно до омерзения, и потому, подхватив рюкзак, я под всеобщее улюлюканье стремительно направилась к выходу. Кажется, учительница ки-

нула вслед что-то гневное, но это более не имело ровным счётом никакого значения.

Я прогуливалась неспешно пустынными коридорами, прислушивалась к собственным шагам и голосам в аудиториях. Во истину была какая-то магия в том, чтобы вот так наблюдать за школой – вроде бы и изнутри, но при этом оставаясь вне происходящего. Я казалась себе одиноким призраком, скитальцем вечности, потерянной душой... Это было безумно романтично!

Единственное, что изрядно изводило, так это то, что пропало в небытие ещё одно потенциально прекрасное стихотворение, исполненное тоски и самоотверженной боли заблудившегося в водовороте будней девичьего сердца. Всё остальное было безразлично, по крайней мере, пока... или мне только хотелось верить в это?

О том, чем мой проступок грозил вылиться в дальнейшем, гадать не имело смысла, ибо ничего хорошего это не предвещало в любом случае, а всякой дряни и без того хватало сполна.

Пожелалось всплакнуть. Но слишком простодушно, неосторожно было бы лить слёзы сейчас. Пускай причина мокрого настроения состояла вовсе не в том, что произошло, однако мало ли что мог вообразить себе кто-либо из знакомых, попадись он волею случая по пути. Об этом не стоило забывать.

Я с досадой пнула ногой батарею, рюкзак свалился с плеча. Бессильная злоба... Увы и ах!

Постепенно становилось уж как-то совершенно паршиво, поэтому я решительно направилась к заветной двери, единственному месту в школе, где мне всегда нравилось бывать.

Вот она, Кати, златовласый ангелочек, внимательно уставилась в тетрадку и аккуратно выводит своими маленькими ручонками непослушные буквы. Любимая младшая сестрёнка – радость и отрада моей никчемной жизни. Она – это нечто! Более нежного, доброго и восхитительного создания, верно, не сыскать во всей Вселенной.

Я негромко окликнула и помахала ей. Она сразу же расплылась в очаровательно искренней улыбке, но потом, опомнившись, смущённо отвела взгляд. Кати – умница, она прилежно относится к учёбе и никогда не шалит.

«Да уж, её бы никогда не выдворили с урока...»

В этот самый момент дверь перед моим носом внезапно захлопнулась, я шарахнулась назад и наткнулась на чьё-то пышное, пропахшее потом и дешёвым парфюмом, тело.

«Только её здесь не хватало! Вот это так удача».

Я обернулась и в невольном отвращении попятилась в сторону.

– За что, Корош, на этот раз тебя выгнали из класса?

– Меня не выгнали... я сама ушла.

– Стало быть, прогуливаешь?

Я промолчала, злобно сверкнув глазами.

– По-моему, самое время снова повидаться с твоими родителями, Лита.

– Не надо.

– А давай ты не будешь указывать, что мне делать, хорошо? – внезапно импульсивно отреагировала директор. День сегодня не задался явно у всех...

– Да иди ты, – растерянно огрызнулась я. Едва слышно, но, к сожалению, несколько громче, чем следовало допустить.

– Что?!

Толстуха угрожающе надвинулась. Ах, бедные мои ушки, как говаривал Кролик из «Алисы в Стране чудес»! Я брезгливо отмахнулась, увернулась от её цепких рук и бросилась прочь по коридору.

– Иди ты! – повторила я в отчаянии, обернувшись перед тем, как угол скрыл от меня её отвратительную физиономию. Можно было не сомневаться, теперь меня ждали действительно серьёзные неприятности!

На оставшиеся уроки я не пошла. Это было ни к чему. В любом случае.

Если повезёт, застану дома отца. С ним объясняться куда проще. По крайней мере, не станет наказывать. Почитает немного нотации. Скажет, что я уже большая девочка, и должна вести себя надлежащим образом, что обязана нести ответственность за собственные поступки. Я чего-нибудь пообещаю взамен, и инцидент будет исчерпан. После

этого можно запереться в комнате и не выходить оттуда хоть целую вечность!

«Может быть, она не станет звонить хотя бы сегодня? И без того слишком уж отвратный денёк выдался, – подумала я с наивной надеждой. – А завтра, кто знает, вдруг фортуна улыбнётся, и весь этот паскудный мир покатится в тартарары...»

Последнее время я частенько грезила концом света. Буквально лелеяла эту противоестественную фантазию. Насколько что-то в таком духе могло бы облегчить мои каждодневные мучения! Даже если не мгновенная смерть всего и вся, а, предположим, тотальный хаос гибнущего мира, который испивает чашу апокалипсиса, – всё какое-то разнообразие. Что-нибудь, чтобы взорвать к чертям эти опостылевшие серые будни!

Я припомнила школу, бессмысленную вереницу скучных уроков, опротивевшие физики преподавателей и одноклассников. И это, о ужас, практически всё, что составляет мою никчемную жизнь...

«Какая гнусность! Когда же всё это, наконец, оставит меня?»

Упиваясь декадентскими размышлениями, я незаметно оказалась перед дверью квартиры. Последнее время язык как-то не поворачивался называть это место «домом». Озадачено хлопая ресницами, я долго разглядывала чёрную с синевой дерматиновую обивку, будто никак не ожидала уви-

дочь перед собой нечто подобное. Несмело приподняла руку, чтобы позвонить, но на полпути та словно отнялась.

«Чёрт!» – хотелось развернуться и убежать, или провалиться сквозь землю. Было бы куда бежать... или провалиться. Я покрутилась на месте, помялась с ноги на ногу, потом достала ключи и тихо, словно тайком, принялась за замок.

Когда я оказалась в прихожей, запах чего-то жарящегося дал понять, что одними нотациями сегодня не обойдётся...

«И чего это она так рано? Неужто никому больше не интересна её дрянная косметика?»

– Здравствуй, Лита! – мать вышла из кухни и облокотилась на косяк двери, наблюдая, как я разубаюсь. Она не переделалась, видимо, пришла недавно, только накинула передник поверх несколько вызывающего, но элегантно скроенного, делового костюма. Тон её был ровным и как всегда учтиво холодноватым.

«Неужели она ничего не знает?»

Это слегка обнадёжило.

– Как дела в школе?

Меня передёрнуло. Я наиграно беспечно и потому несколько неловко пожала плечами. Мне не хотелось смотреть ей в глаза. К счастью, был повод отвернуться – я сняла куртку и повесила в шкаф.

– Ты сегодня рано. Что-нибудь стряслось?

– Вовсе нет, просто отменили пару уроков, – я направилась в свою комнату. До спасительной берлоги оставалось

три шага... два...

– Лита, постой!

«Дьявол! А ведь всё так замечательно шло».

Я обернулась. Мать подбоченилась и выжидающе уставилась на меня. Я ещё раз мысленно выругалась. Теперь это надолго. Отступила назад влево и опёрлась спиной о стену.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

«И почему взрослые всегда используют эти проклятые уловки, когда разговаривают? Лучше бы назвала меня падалью и выложила всё начистоту!»

– Мне нечего рассказывать тебе, мам.

Её лицо осунулось, потемнело, медленно наливаясь гневом. В какой-то миг даже показалось, что она вот-вот бросится на меня, но мать никогда не снисходила до рукоприкладства. Всегда в таких случаях поручала исполнение приговора отцу, а он ненавидел это дело чрезвычайно и потому никогда не злоупотреблял.

– Неужели? А ты меня не обманываешь?

– Нет, – стоило ли делать эту последнюю бессмысленную попытку?

– Я слышала сегодня совсем другое...

– В таком случае, зачем спрашиваешь, если сама всё знаешь? – я развернулась, чтобы быстро ретироваться в заветное лоно логова, но не успела – она с нажимом окликнула меня.

– Как долго это будет продолжаться, Лита? Что вообще с

тобой происходит? Почему ты стала избегать меня?

Слишком много сложных вопросов. Перегрузка информационных каналов. Дальше можно не слушать. Полился поток обвинительных уничижающих речей. Даже когда она, казалось бы, по-настоящему, спрашивала, прерывать монологи в каком случае не следовало. Я знала это наверняка. Отсутствие ответов злило её, однако, по опыту, лучше было молчать. Просто разглядывать цветы на ковре или поднявшиеся обои у плинтуса. Всё равно, лишь бы скоротать неприятные минуты.

«И на что только уходит драгоценное время моей молодости? Ничего стоящего с тех пор, как помню себя. Тлен во плоти, да и только!»

– А что это горит у вас, барышни? – жизнерадостно спросил отец, входя в квартиру с огромным пакетом в руках. Ещё еда. И как мы только успеваем всю её жрать? Безумие!

«Человек – настоящий комбинат по переработке продуктов в отходы. Вопрос в том, кому же там наверху столько дерьма понадобилось?»

– Ёлки-палки! – переполошилась мать и мигом рванула на кухню.

Я воспользовалась удачным моментом и по стене скользнула за дверь.

– Стой, Лита, я с тобой ещё не закончила!

Я провернула защёлку и, обхватив голову руками, завалилась на так и несобранную утром постель. Можно было вы-

дохнуть.

«Теперь пускай ярится. Глядишь, перебесится до завтра».

Послышался грохот посуды и тяжёлые шаги матери.

– Сейчас же выходи, паршивка!

– Милена, оставь девочку в покое. Что тут у вас произошло?

– Не вмешивайся, Герман! Кто-то же должен в этой семье детьми заниматься.

– По-твоему, я ничего не делаю?

– Только не надо рассказывать о том, как тяжело ты работаешь на своей проклятой станции! Другие тоже работают...

«Бедняга, достанется же ему теперь! Закрыл амбразуру собственным телом – героический поступок. Пять баллов!»

Я перевернулась на живот, подняла с пола глянцевый журнал и принялась листать, не особо вдаваясь в суть, скорее, просто для успокоения.

«Всё равно как-то нехорошо с отцом получилось...»

Тем более, что последнее время они ссорились едва ли не каждый день. Это началось с полгода назад, когда мать принялась продавать эту свою косметику. Небось, нашла там кого-то на стороне, какого-нибудь менеджера среднего звена... Об этом не хотелось даже думать. Омерзительно было представлять, как чужие волосатые руки лапают твою мать, как её губы касаются чьих-то ещё. А потом ими же она целует меня! Я передёрнула плечами и свернулась калачиком на постели.

Упрямое чувство вины не уходило.

«Да причём тут я! Они всё равно бы поссорились – не сейчас, так к вечеру...»

На кухне в дело пошла посуда.

«С такими темпами скоро будем есть из пластиковых тарелок».

Я тяжело вздохнула.

«Надеюсь, они не забудут встретить Кати из школы...»

– Слушай, вчера Брюс наакался так, что... – ребята без умолку трещали о всяких безделицах. Забавно, темы их бесед можно было без труда перечесть на пальцах одной руки, однако каждый день привносил что-то новенькое в копилку бессмысленных бесконечных полилогов. Собственно, поэтому я и не прочь была послушать их, невольной восхищаясь пороком словоблудия, хотя сама говорила редко и неохотно.

– Курить будешь, Лита?

– Нет, – от ядовитого кисло-горького привкуса никотина уже першило в горле. Лучше бы попить кто-нибудь предложил. Впрочем, перемена близилась с неумолимостью асфальтоукладчика, и потому невольное самоистязание бездельем на школьной площадке возможно было без опасений прервать походом в уборную. Леденящая до боли в зубах вода из-под крана – именно то, чего я желала сейчас превыше

всего.

«Кроме мира во всём мире, конечно», – добавила я с сарказмом и улыбнулась собственным мыслям.

Ребята приняли гримасу на свой счёт и застрекотали с удвоенным энтузиазмом. При этом они то и дело косились на меня, ища поддержки и одобрения.

«Сколь мало требуется для неокрепшего сознания... Что же, по крайней мере, не скажут потом, что я их совершенно игнорирую».

От сидения на покрывках пятая точка замлела ещё сильнее, чем обычно бывало за партой. Следовало срочно спасать свои булочки!

– Я пошла.

– Эй, Лита, ты куда? Посиди с нами ещё немного!

Сегодня я решила задержаться в школе, вернее, сходить-таки на последний урок, чтобы потом забрать Кати. Обычно я с нетерпением ждала этого дня всю неделю, когда ни у отца, ни у матери не было возможности встретиться с ней. И сейчас, всякий раз поглядывая на часы над доской, на обороте тетради выводила изящный профиль детского личика, столь близкого и дорогого. К счастью, никто не тревожил меня, и за это я безмерно благодарила небеса!

Я почти закончила рисунок, когда долгожданный звонок громогласно возвестил окончание урока. Сдавать самостоятельную работу не стала – математика не мой конёк. У меня

вообще были проблемы с этими «коньками»... Класа с пятого, наверное, когда учёба перестала казаться потешной игрой, или годом позже, когда она окончательно осточертела.

«Что с меня взять, когда и взять-то нечего», – я ехидно улыбнулась.

К заветной двери шла перебежками. Детвора шныряла где-то на нижнем ярусе, так и норовя сбить с ног. Коридор наполнился шумом и звенящим духом неукротимой детской энергетики.

Она заметила меня в самый последний момент, когда я присела, чтобы принять её в свои объятия. Кати без промедления бросилась на шею, обхватив ручонками с такою силой, что глаза покатались из орбит. Она любила меня, и это, пожалуй, было единственным, что несло утешение и давало силы влачить дальнейшее существование.

– Ты опять курила? – спросила она с укоризной.

– Совсем чуть-чуть, – соврала я, с нежностью поглаживая золотистые локоны. Под её строгим взглядом глаза мои продолжали лучиться лаской и заботой.

– Ну и будет же тебе, если мама узнает!

– Но ведь ты ей ничего не расскажешь?

Кати презрительно хмыкнула, сделав вид, что обиделась самому факту подобного вопроса.

Я помогла ей одеться, и мы, крепко взявшись за руки, нырнули в сумерки суетливого города, ожившего вечерним часом пик. Шли неспешно, разглядывая огни приевших-

ся реклам, пёстрые витрины магазинов и вечно озабоченных двуногих. Полной грудью дышали ещё прохладным, но уже каким-то обворожительно-возбуждающим, трепетным весенним воздухом. Читая объявления на стенах и фонарных столбах, знакомые названия улиц, Кати неустанно голубила мой слух переливами детского голоса. Казалось, она знала, что это именно та музыка, которой я всегда безотчётно отдаю предпочтение, и потому не смолкала ни на мгновение. В этот момент я была по-настоящему счастлива!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.